

Климова Светлана Борисовна

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: СТАРОЕ И НОВОЕ

В статье исследованы основные тенденции в восприятии и изображении России в современной английской культуре на материале художественных произведений, историко-культурологических исследований и философских работ, а также отдельных рецензий и публицистических выступлений британских писателей, журналистов, ученых. Автор приходит к выводу о существовании в английской культуре двух линий развития имагологических представлений в отношении России - движения к пониманию русского как общечеловеческого и стремления дать целостную, объемную, концептуально прочитываемую картину русской культуры в ее своеобразии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/21.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 89-92. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Евстафьев Д. Г.** Современная американская военная политика // США в новом мире: пределы могущества. М.: ИНИОН РАН, 1997.
2. **A National Security Strategy of Engagement and Enlargement.** Washington, 1994.
3. **Aspin L.** Report on the Bottom-Up Review. Washington, 1993.
4. **Christopher W.** American Foreign Policy. Strategic Priorities // Vital Speeches of the Day. 1994. Vol. LX. № 6.
5. **Cohen W. S.** Annual Report to the President and the Congress. Washington, 2000.
6. **Development in the Middle East, October 1994:** hearing before the Subcomm. on Europe a. the Middle East of the Comm. on foreign affairs, House of repres., 103d Congress, 2d sess., Oct. 4, 1994. Washington, 1994.
7. **Haas R.** Military Force: the User's Guide // Foreign Policy. 1994. № 96.
8. **Khalizad Z., Ochmanek D.** Rethinking US Defense Planning // Survival. 1997. Vol. 39. № 1.
9. **Lake A.** Power and Diplomacy: America's Democratic Defense // International Herald Tribune. 1995. 25 September.
10. **Mahnken T.** America's Next War // The Washington Quarterly. 1993. Summer.
11. **Maynes Ch.** Relearning Intervention // Foreign Policy. 1995. № 98.
12. **National Military Strategy.** Washington, 1995.
13. **Perry W.** Annual Report to the President and the Congress. Washington, 1995.
14. **Perry W.** Defense in Age of Hope // Foreign Affairs. 1996. November/December.
15. **Strategic Assessment 1996. Instruments of Power /** National Defense University; Institute for National Strategic Studies. Washington, 1996.
16. **Ulman H., Getler W.** Common Sense Defense // Foreign Policy. 1996. № 105.
17. **Weekly Compilation of Presidential Documents.** 1999. Vol. 36. № 4.
18. **World Military Expenditures and Arms Transfers 1993-1995.** Washington, 1996.

**DISCUSSION IN B. CLINTON'S ADMINISTRATION REGARDING
THE U.S. MILITARY PRESENCE ABROAD**

Aleksei Aleksandrovich Kireev, Doctor in History, Associate Professor
Department of General History
Blagoveshchensk State Pedagogical University
kir-blaga@mail.ru

The author considers the questions of the U.S. military and foreign policy after the Cold War, shows that the problem of maintaining military power and military presence of the U.S. troops abroad was in the spotlight of Clinton's administration, studies different approaches to this problem solving discussed in the government and expert community; and substantiates that the absence of the clear criteria for the use of troops in conflicts abroad gave Clinton's administration certain freedom.

Key words and phrases: military policy; military presence abroad; military-technical cooperation; key regions; selective interventionism; weapon of mass destruction; struggle against terrorism.

УДК 008/930.85

Культурология

В статье исследованы основные тенденции в восприятии и изображении России в современной английской культуре на материале художественных произведений, историко-культурологических исследований и философских работ, а также отдельных рецензий и публицистических выступлений британских писателей, журналистов, ученых. Автор приходит к выводу о существовании в английской культуре двух линий развития имагологических представлений в отношении России - движения к пониманию русского как общечеловеческого и стремления дать целостную, объемную, концептуально прочитываемую картину русской культуры в ее своеобразии.

Ключевые слова и фразы: образ России; английская культура; национальная ментальность; английское восприятие; имагологические представления; концептуальный подход; константа культуры.

Светлана Борисовна Климова, к. филол. н.

Кафедра стилистики русского языка и культуры речи

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

klimova1@hotmail.com

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: СТАРОЕ И НОВОЕ®

Образ России в современной английской культуре занимает особое место. Как утверждает в знаковой статье «Почему западные авторы влюблены в матушку-Россию» журналист и писатель Эндрю Миллер, «романисты от

Ле Каре до Амиса помешаны на России. Ничего удивительного: она дает богатую почву для фантазий» [13, р. 37]. В тексте статьи эта «любовь» объясняется, прежде всего, традиционным восприятием России как «своего» и «чужого» одновременно: Россия, утверждает Э. Миллер, всегда была для Запада «кривым зеркалом».

Тенденции в современной английской литературе подтверждают если не общее утверждение о традиционности таких имагологических представлений, то справедливость этой мысли относительно настоящего момента. Русская тема не только у Э. Миллера в его совсем немассовом триллере «Подснежники», номинированном на Букеровскую премию в 2011 г., но и у Бориса Старлинга с его романом о России 1990-х годов «Водка» (2004 г.), принадлежащим, скорее, массовой литературе, и у признанных классиков английской литературы Джулиана Барнса с его рассказом «Вспышка» (*The Revival*, 1996 г.) и у Тома Стоппарда с его драматической трилогией «Берег Утопии» (*The Coast of Utopia*, 2002 г.) обладает общечеловеческостью звучания. Через образ русского и русский хронотоп многие современные английские писатели ставят вопросы не только о России и русских, но и об основах человеческой природы и человеческого бытия.

Так, в своем интервью газете «Известия» о трилогии, посвященной России [1, с. 5], Т. Стоппард дает три причины своего обращения к русской теме: интерес к историческим личностям, необычным характерам («во всю эту историю меня втянул Белинский»); любовь к русской культуре («каждый британский интеллектуал пьет из источника русской культуры»); возможность поднять на этом материале актуальные сегодня общечеловеческие темы («Он (*Белинский*) одним из первых понял недостаток жизни в полной свободе, которая может обернуться хаосом»).

В трактовке «русского» как подчеркнутого, сконцентрированного или утрированного «общечеловеческого» Том Стоппард опирается, в частности, на идеи известного английского философа второй половины XX века Исая Берлина «Русские мыслители» (*Russian Thinkers*, 1978 г.). Неслучайно в связи с этим упоминание его имени в интервью [Там же]. И. Берлин в конце XX века пересмотрел общепринятое отчужденное восприятие личностей и деятельности А. И. Герцена, В. Г. Белинского, М. А. Бакунина (а вместе с ними и всех русских интеллигентов-радикалов) как «страстных фанатиков экстремальных идеологий» [12, р. 23] и пришел к выводу о том, что в феномене русской интеллигенции следует видеть не «иррационально-невротических» мечтателей, рожденных «мрачно» и «мистической» ментальностью русского народа, но «гиперболизированных представителей западной культуры», наделенных преувеличенно развитой силой «мысли, логики и прозорливости» [7, р. 142].

Образы русских радикалов-мечтателей в свете этого понимания следует «прочитывать» в трилогии Стоппарда не только как русские, но и как западные образы. Идеалист и анархист М. А. Бакунин, популист и либерал-революционер А. И. Герцен, демократ и идеалист, а затем разочаровавшийся в утопических идеях реалист В. Г. Белинский, эстет и пессимист И. С. Тургенев - все они предстают в трилогии «русскими» в их вере в идеи или в возможность обретения истины в диалоге с «другим», в их западничестве и в их абсолютной приверженности «теоретическим» поискам правды и справедливости.

В то же время, те вопросы, которые они поднимают в столкновении друг с другом и обстоятельствами жизни, - это вопросы российской и западной современности. Это вопросы об опасностях полной свободы, о хаосе и самодисциплине, о практическом действии и идеалах, о справедливости и любви. «Верность достойна восхищения, но собственнические инстинкты – отвратительны... Потому он и свободный человек, что отдает свободно. Я начинаю понимать, в чем фокус свободы...» - объясняет свое новое понимание свободы Герцен во втором действии «Кораблекрушения» [4, с. 215]. Трилогия заканчивается призывом Герцена «двигаться дальше», «раскрывать людям глаза», отказываться от нигилизма и разрушения культуры, осознать личную ответственность за каждый свой поступок: «Смысл не в том, чтобы преодолеть несовершенство данной нам реальности. Смысл в том, как мы живем в своем времени» [Там же, с. 478]. Призыв явственно несет в себе смысловой заряд, схожий с тем, которым отмечены заключительные слова Тома Стоппарда из его интервью «Известиям»: «Я верю, что в человеке помимо эгоистических позывов есть и способность умалять свое эго. Построение справедливого общества целиком и полностью покоится не на насилии, не на тотальном контроле над людьми, а именно на этой счастливой нашей способности» [1, с. 5].

Отношения между публицистическими выступлениям Стоппарда и художественным миром его трилогии о России указывают на очевидный автобиографический и философский поворот «русской темы». Можно предположить, что именно с этим связана тенденция прочитывать «русское» как «общечеловеческое свое» в современной английской литературе. Косвенно это предположение подтверждается очевидной автобиографичностью другого философичного «русского» романа – правда, не английского, но англоязычного современного писателя-классика Джона М. Кутзее. Речь идет о его романе «Осень в Петербурге» (*Master of Petersburg*, 1994 г.) [8], в котором детективный сюжет и многослойная, многоголосная психологичность, наследуемые, отчасти, из произведений Ф. М. Достоевского, накладываются на автобиографический образ отца, потерявшего сына и скорбящего по погибшему, а также на философски-глубокую разработку (русской и общечеловеческой одновременно) темы отцов и детей.

Это, однако, не единственная тенденция в современном восприятии России в английской культуре. Важным фактором движения в иную сторону имагологических представлений является публикация историко-культурологических работ, исследующих целостность русского мира как концептосферы. Это исследования констант - базовых образов-представлений русской ментальности, которые порождают различные явления одного ментально-культурного ряда. Именно в этом ключе написана «культурологическая история России» «Танец Наташи» (*Natasha's Dance*, 2002 г.) британским историком, профессором лондонского университета Орландо Файджесом [9]. Концептуальный поворот исследования был отмечен в британских рецензиях. В частности, газета «Хранитель» (*The Guardian*) отметила 21 сентября 2002 г., что «эта книга исследует

замысловато сплетенные корни нации и культуры» [18, р. 9]; рецензент же газеты «Наблюдатель» (The Observer) заключил, что «в “Танце Наташи” Файджес пытается “схватить” многосоставную культурную целостность “русскости”» [11, р. 15].

Схожим образом, как символический мир, корнями своих смыслов уходящий в древнюю мифологию и ритуалы, прочитывается «русскость» в культурологическом англоязычном исследовании Елены Хелльберг-Хирн «Земля и Душа: символический мир русскости» (*Soil and Soul: the Symbolic World of Russianness*, 1998 г.) [10], в историко-социологической британской монографии «Национальная идентичность в русской культуре: введение» (*National Identity in Russian Culture: an Introduction*, 2004 г.) [14] и в гендерно-символическом американском исследовании Эллен Раттен «Недоступная невеста Россия» (*Unattainable Bride Russia*, 2010 г.) [16]. Это книги во многом новаторские не только по своему подходу, но и по своему содержанию.

В круг интерпретируемых фактов и явлений в книге Файджеса попадает рациональная прямизна и неожиданный геометрический слом Невского проспекта, ритуально-мифологическое значение русской бани, «западничество» русского дворянства и интеллигенции и одновременное отторжение русскими западной цивилизации, политическая тенденциозность так называемой «норманнской теории», символичность и ритуальное значение хлеба в русской жизни, православный «мистицизм» и трансцендентализм, церковный раскол и раскольнический утопизм, влияние «языческих» ритуалов на православную литургию и сюрреализм советского искусства. Акценты ставятся на взаимосвязанности всех явлений, на единстве базовых ощущений мира, порождающих разнородные явления, на народно-ритуальных корнях, обеспечивающих своеобразие культуры. Одновременно важный пафос работы Файджеса – развенчивание сложившихся, прежде всего, западных стереотипов о русском пьянстве, об абсолютном западничестве русской интеллигенции, о заимствованности самой идеи государственности в России, о «чистоте» и монолитности православной религии, о «богоносительстве» русского народа.

Книга действительно, как и утверждается в цитированной выше рецензии, создает цельную картину сложносоставной русской культуры. Вместе с тем она не лишена некоторых сомнительных оценок, в которых, по всей видимости, отражается и желание сказать «свое», новое слово о России, и внешний, западный взгляд на «русское» (имманентно компаративный). Особенно обращают на себя внимание негативные оценки культурного уровня допетровской России, русского крестьянского быта (изображенного монолитно и статично), отторжение русским менталитетом западных ценностей. Так, Файджес педалирует мысль о звериной дикости и жестокости русского крестьянского быта, описывает положение женщины в крестьянской семье исключительно как унижительное и бесправное (в частности, он говорит о «снохачестве» как повсеместно распространенном, «обычном» явлении) [9, р. 251], указывает на «традиционность» банных оргий [Ibidem, р. 248], категорично утверждает, что в Древней Руси не было никакой «инструментальной музыки» [Ibidem, р. 11] и что «культурный уровень» «московских бояр» в XVII в. был намного ниже уровня «западного дворянства» [Ibidem, р. 16].

Исследование Елены Хелльберг-Хирн сосредоточено на символах и мифах российского государства и русской культуры, каждый из которых, по мысли автора, работает на общую идею единства и величия России, – «языческом» славянском пантеоне, двуглавым орле, «материнской» символике России, мифе о «братстве» народов СССР, связанном с образом России-матери. При этом в акценте на сочетании «мужской» и «женской» символики в русской культуре ощущается не только актуальный гендерный подход к изучению культуры, но и (как в случае с О. Файджесом) имманентно неодобрительный овнешненный взгляд на русскую культуру. Образ родины-матери трактуется не столько как проявление установки на родственно-близкие, сочувственные отношения между людьми, действующей внутри национальной культуры и национального сознания, сколько как образ-перевертыш, который дает моральное право носителям русской цивилизации защищать и, защищая, нападать на другие народы. Неслучайно книга начинается с исторических и культурологических разысканий относительно имперской российской символики двуглавого орла. Представляется, что и в оценках этого исследователя, так же, как в отдельных оценках О. Файджеса, сказывается давняя имагологическая английская традиция восприятия России как страны, таящей в себе политическую и культурную «угрозу» [17, р. 53-54].

В монографии британских ученых «Национальная идентичность в русской культуре: введение» также подчеркиваются исторически имперские амбиции российского государства. Более того, идея «покорения» или даже «порабощения» (английское «to conquer» прочитывается многозначно) распространяется в монографии и на отношения между русским человеком и природой: в русской ментальности авторы видят «императив порабощения, направленный как на природу, так и на другие народы», «желание покорить и подчинить пространство» [14, р. 38, 43].

Очевидно, что в однозначном толковании отношений русского человека и государства с пространством как отношений борьбы и порабощения сказалась как западная традиция негативного восприятия русского «экспансионного» государства, так и собственно западный взгляд на вещи. Под «западным взглядом» здесь подразумевается, прежде всего, стремление к борьбе, «свободному соперничеству» и «самодеятельности», о которых говорит в известнейшем своем труде «Россия и Европа» Н. Я. Данилевский в связи с особенностями английского «национального характера» [2, с. 146-148], а также «миф о победе культуры над пространством, подчинении его человеку», о котором как о характерном представлении европейского человека «со времен Ренессанса» блестяще писал В. Н. Топоров [5, с. 230] и ссылавшийся на него В. Кантор [3, с. 17].

В то же время монография содержит в себе ряд безусловно интересных наблюдений над фактами русской истории, географии, культуры, искусства. В частности, обращают на себя внимание размышления над символами пути-дороги в русской литературе и искусстве; о роли иконописи и монументальной живописи в формировании национального менталитета и самоидентичности. Представляется существенным сдвиг в описании русско-российского «пространства» в сравнении со стереотипным еще в первой половине XX века

акцентом на пространственно-равнинном и климатическом однообразии [6, p. 16; 17, p. 21]. Авторы «Национальной идентичности» пишут о «великом разнообразии территорий» России, которая простирается «от высоких горных цепей и пустынь на юге до березовых рощ центрального региона» и дальше на север [14, p. 38]. При этом, однако, британским ученым не удается избежать такой банальной ошибки, как описание «тайги» через словосочетание «снежные степи» [Ibidem].

Исследовательская концептуальная линия современного восприятия России поддерживается в английской культуре и художественными произведениями. Бестселлер Э. Резерфурда «Русска» (роман о России; *Russka: the Novel of Russia*, 1991 г.), по словам автора, явился «попыткой уловить хотя бы малое в поразительном богатстве и своеобразии русской культуры» [15, p. 6]. Роман, действие которого начинается в 180 г. н.э. и заканчивается 1992 г., формально объединен местом действия (деревней Русска) и «генеалогическим древом» (главные герои – представители одного и того же семейства Бобровых), глубинно же – вниманием к основам русского мира и русской ментальности. Они как бы вырастают из описаний природного мира центральной, южной, северной России, из изображений древнего «языческого» быта, из характеристик героев и их биографий, из изображений важнейших событий или периодов русской истории, из мерного эпического ритма повествования. В повествовании редко слышен «сторонний» голос автора, однако он легко уловим в начальной главе романа и в его эпилоге. Моменты, обозначенные в них и задающие – перспективно и ретроспективно – тон всему повествованию, можно обозначить как идеи безбрежности русского природного мира, диалога Запада и Востока в русском культурном мире, особой «мягкости», присущей русскому человеку, иерархически упорядоченной родственности между людьми и природой, непредсказуемости русской истории и – более всего – загадочного, необъяснимого величия России. На создание объемной картины русской культуры работает своеобразный историзм романа, наследующий традиции Скотта и Теккерея в своем внимании к простому быту и жизни обычного (неисторического) человека.

Как видим, в современной английской культуре имагологические представления о России связаны с двумя тенденциями: видеть в России несколько утрированное «общечеловеческое», с одной стороны, и видеть своеобразное «русское», с другой. Внутри этих тенденций действует не только «атмосфера эпохи» с характерными процессами интеграции и глобализации и вниманием к вопросам идентичности и самоидентичности, но и традиционные, стереотипные имагологические представления Запада о России как загадочном и диком «чужом».

Список литературы

1. Давыдова М. Драматург Том Стоппард: «Свобода мнений душит голоса эпохи» // Известия. 2007. 9 октября.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурно-политические отношения славянского мира к германско-романскому. СПб.: Тип. Братьев Пантелеевых, 1895. 629 с.
3. Кантор В. Западничество как проблема русского пути // Россия и Запад: диалог и столкновение культур. М.: Российский институт культурологии, 2000. С. 6–31.
4. Стоппард Т. Берег Утопии: драматическая трилогия / пер. Аркадия и Сергея Островских. М.: Иностранка, 2007. 479 с.
5. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
6. Baring M. *The Mainsprings of Russia*. L.: Thomas Nelson and Sons, 1914. 328 p.
7. Berlin I. *The Birth of the Russian Intelligentsia* // Berlin I. *Russian Thinkers*. L.: Penguin, 2008. P. 130–155.
8. Coetzee J. M. *Master of Petersburg*. N. Y.: Viking Books, 1994. 250 p.
9. Figs O. *Natasha's Dance: a Cultural History of Russia*. L.: Allen Lane, 2002. 544 p.
10. Hellberg-Hirn E. *Soil and Soul: the Symbolic World of Russianness*. Aldershot: Ashgate, 1998. 289 p.
11. Jardine L. *What a Capital Idea* // The Observer. 2002. 13 October.
12. Kelly A. *Introduction: a Complex Vision* // Berlin I. *Russian Thinkers*. L.: Penguin Books, 2008. P. 23–25.
13. Miller A. D. *Why Western Authors Are in Love with Mother Russia* // The Observer. 2010. 19 December.
14. **National Identity in Russian Culture: an Introduction** / ed. by Simon Franklin and Emma Widdis. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 240 p.
15. Rutherford E. *Russka: the Novel of Russia*. N. Y.: Ballantine Books, 1992. 945 p.
16. Rutten E. *Unattainable Bride Russia: Gendering Nation, State, and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture*. Evanston: Northwestern University Press, 2010. 329 p.
17. Sarolea Ch. *Europe's Debt to Russia*. L.: W. Heinemann, 1915. 251 p.
18. Service R. *Dying in Their Cloth* // The Guardian. 2002. 21 September.

IMAGE OF RUSSIA IN MODERN ENGLISH CULTURE: OLD AND NEW

Svetlana Borisovna Klimova, Ph. D. in Philology
 Department of Russian Language Stylistics and Culture of Speech
 Nizhnii Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov
 klimova1@hotmail.com

The author studies the main tendencies in the perception and representation of Russia in the modern English culture by the material of fiction, historical-cultural researches and philosophical works, as well as some reviews and journalistic presentations of the British writers, journalists and scientists, and comes to the conclusion that there exist two lines of the development of imago-logical ideas with respect to Russia in the English culture – the tendency to understand Russian as universal and the aspiration to give the integral, extensional, conceptually readable picture of the Russian culture in its originality.

Key words and phrases: image of Russia; English culture; national mentality; English perception; imago-logical representations; conceptual approach; constant of culture.